

охотно называют золотым, и я мог бы, обнимая тебя, не раздражая Греча или Востокова, воскликнуть: «золотой мой», вовсе не желая этим сказать, что ты через огонь вызолочен или с помощью гальванопластики». Полонский — в ответ: «Милый мой — дорогой, золотой Афанасий Афанасьевич!». Настаивая на своем, он пишет далее: «Что эпитет *золотой мой* можно применять к людям, которых любишь, это я доказал тебе началом моего письма. Можно даже сказать золотая собака — т.е. удивительно, как ищет дичь и по ночам на воров лает, — но едва ли можно сказать «золотая песнь» или «золотое ку-ка-ре-ку!»¹²

Фет не стал менять эпитет. И правильно сделал. В этом любопытном «диалоге» Полонский слишком «прямолинеен», не желает считаться с полисемантизмом слова и многоплановостью образа, с тем, что составляет своеобразие Фета, кото-

рый словом стремится *выразить* чувство и *внушить* это чувство другим. Выразительность образа «как золотое, — ку-ку» благодаря экспрессивному эпитету переходит в его впечатляемость. Эстетически чуткий Полонский в данном случае проявил нечуткость. В заключение — небольшой «эксперимент». Попробуем отгадать, чьи это стихи:

*Ночи текли — звезды трепетно в бездну
лучи свои сеяли...
Капали слезы, — рыдала любовь; и адел
Жаркий рассвет, и те грезы, что в сердце
мы тайно лелеяли,
Трель соловья разносила — и бурей шумел
Моря сердитого вал — думы зрели, и —
реяли
Серые чайки...*

Прервем цитирование. Не правда ли, так и подмывает сказать, что это Фет? Это его символы — *ночь, трепетное сия-*

ние звезд, рыдания любви, грезы, трель соловья. Знакомые нам «знаки» его художественного мира. И объединены они «по-фетовски» — не сюжетно, а эмоционально. И приемы ритмико-интонационной структуры поэтической речи «фетовские» — инверсия. Переносы, игра созвучий, стиховые и внутрискочные паузы. И пропуск ассоциативных звеньев. И дерзкие образы — *ночи текли, рыдала любовь, алеющий жаркий рассвет.* Фет, да и только.

Между тем, это стихи... Полонского, посвященные Фету в день его пятидесятилетнего юбилея. Стихи о Фете, достойные Фета! Полонскому удалось в блистательной художественной форме выразить «суть» Фета...

Поэзия Фета во многом предвосхитила художественные искания поэтов, чье поколение вступило в литературу на рубеже двух эпох — XIX и XX веков (В.В.Соловьев, В.Я.Брюсов, А.А.Блок, А.Белый) — и в более позднее время (С.А. Есенин, Б.Л.Пастернак, Н.М.Рубцов).

Поэт оказал воздействие на русскую поэзию своей первозданной незахвачанной свежестью картин, чувств, мыслей. Всей своей стилевой системой, своим особым строем художественных средств и приемов. Своими смелыми уподоблениями и метафорами, в том числе и теми, которые не всегда открывались внутреннему взору современников, ошеломляли, ставили их в тупик.

Пророческими оказались слова Л.Толстого, который в письме Фету от 27 января 1878 года заметил, что сиянье от его стихов очень далекое¹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹См.: ФЕТ А.А. Стихотворения, поэмы. Современники о Фете. — М., 1980. — С. 430. В дальнейшем цитаты даются по этому изданию.

²ФЕТ А.А. Соч.: В 2 т. — М., 1982. — Т. II. — С. 170.

³Цит. по: ФЕТ А.А. Вечерние огни. — 2-е изд. — М., 1981. — С. 757—758.

⁴Там же. — С. 758.

⁵ФЕТ Афанасий. Стихотворения. Проза. Письма. — М., 1988. — С. 368.

⁶ФЕТ А.А. Вечерние огни. — С. 752.

⁷Там же. — С. 759.

⁸Там же. — С. 590.

⁹Там же. Речь идет о следующих строках: «Истерзался песней / Соловей без розы; / Плачет старый камень, / В пруд роняя слезы».

¹⁰Эти цветы — *сирень* и *черемуха* — сведены даже в один цвет *сирень-черемуха* в известной песне на слова А.В.Софронова «Расцвела сирень-черемуха в саду...».

¹¹Напомним контекст: «Сердце! — вот утро — люби же / Все, чем жило на веку; / Слышится ближе и ближе, — / Как золотое, — ку-ку».

¹²ФЕТ А.А. Вечерние огни. — С. 719—720.

¹³ТОЛСТОЙ Л.Н. Переписка с русскими писателями: В 2 т. — М., 1978. — Т. 2. — С. 9.